

Речь, сказанная в IV заседании «религиозно-философских собраний в С.-Петербурге»

Акт Синода относительно Толстого я считаю невозможным теоретически, а потому и в действительности как бы не состоявшимся вовсе. Это по следующей причине: Синод и Толстой суть явления разных порядков. Нельзя алгебру опровергать стихами Пушкина, а стихи Пушкина нельзя критиковать алгебраически. Синод может быть святым и, вероятно, праведен или бывает праведен по личностям, его составляющим; но нужно же всмотреться во все его учреждение, в рождение его и историю, в механизм его устройства, в характер и мотивы вызова епископов, в нем заседающих, и в самый процесс заседания и, наконец, в постоянные двухнедельные темы его суждений, чтобы понять и согласиться, что это есть строгое, точное, так сказать, алгебраическое учреждение, без всякой собственной души в нем, без ее волнений, свободы, ее совести и совестливости — неизменных элементов всего религиозного. Синод не есть религиозное учреждение, почти не есть, очень мало есть; и не имеет ни традиций, ни форм, никаких способов судить религиозно об религиозном. Отсюда прозаичность бумажки о Толстом, им выпущенной. Митрополит Антоний, в ответном письме графине Толстой, не назвал Синод «Святейшим», что тогда же меня поразило как правда, как пример невозможности употребить сей эпитет в языке неофициальном, серьезном, частном, сердечном. Синод, не говоря о лицах, а говоря об учреждении, не имеет сердца и вообще никаких признаков личного и живого, свободного существа. А бог — личен, жив, свободен; и от Бога, и именем Божиим что-нибудь сказать Синод просто не может, не умеет, не имеет формы, по отсутствию в самом нем «образа и подобия Божия». Между тем Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное религиозное явление, может быть, величайший феномен религиозной русской истории за 19 веков, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть, однако, дуб, и не его судить механически формальному «учреждению», которое никак не выросло, а сделано человеческими руками (Петр Великий с серией последующих распоряжений). Посему Синод явно не умеет подойти к данной теме, долго остерегался подойти, и сделал, может быть, роковой для русского религиозного сознания шаг — подойдя. Акт этот потряс веру русскую более, чем учение Толстого. «А, так вот в чем наша вера», — могли воскликнуть русские в параллель толстовской «В чем моя вера». Там, у Толстого, — тоска, мучения, годы размышлений, Иово страдание, Иова буря против Бога. Даже бесы видели Иисуса и трепетали, но Синод вовсе не видел никакого Иисуса и похож на рожденных до Христа: ни мучений, ни слез, ничего — только способность написать «бумагу», какую мог бы по стилю и содержанию написать каждый учитель семинарии или гимназии. Толстой — как бес перед Иисусом; но акт Синода просто есть решение византийского или римского юрисконсульта, до рождения Христа высказанное: до такой степени в характере, и методе, и тоне его не отражается ничего христианского.

Толстой написал «Чем люди живы»; он как бы видел ангела у мужика; я настаиваю на слове «видел»; густота размышлений уплотнилась до осязательности этого образа. Скажите: какие «видения» видел когда-либо Синод? Никаких. Покажите мне «знамения» Синода — ибо, по Апостолу, «верующие требуют знамений, когда философы спрашивают доказательств». У Синода есть доказательства, а «знамений» нет, и он в одной части есть административное учреждение, а в другой — философская академия, без всякого «помазания». Вот, в самом деле, еще термин: каждый из членов Синода помазан, но ведь не каждый отдельный член Синода судил Толстого от себя и за себя, а судило учреждение, которое ни на коллективные суждения, ни на коллективные решения помазания не имеет.

Все это чувствовали, и все остались холодны к решению, безотчетно чувствуя, что в нем нет ни святости, ни религиозности, а исключительно светскость, мирской характер.

Это — мирское дело, только совершенное немирными.

Я понял бы «суд Церкви, высказанный о Толстом», если бы разъяренная улица, оскорбленная его учением и тезисами, разорвала портрет его, запретила произносить его имя, выгнала бы его из пределов земли своей. Это — «суд церкви», *judicium Ecclesiae* (= «соборания народного»). Но бумага Синода о Толстом? Вот уж «молния», которая не жжет и не поражает.

